

Е.Г. ПАВЛОВА,
КАНДИДАТ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ НАУК (МИНСК)

**«ГЕДОНИСТИЧЕСКАЯ УСТАНОВКА»
КАК КРИТЕРИЙ САМОРЕАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ:
К ПРОБЛЕМАТИКЕ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ СОЦИОЛОГИИ**

В рамках проблематики формирующейся отрасли социологического знания – экзистенциальной социологии – рассматривается авторская трактовка термина «гедонистическая установка» в качестве неотъемлемого условия полноценной социальной самореализации «просвещенной» личности.

Within the problem field of a modern branch of sociology – existential sociology – the concept of hedonistic attitude is interpreted by the author as an ultimate factor of an adequate social self-realization of an educated personality.

В контексте общих мировоззренческих установок переломных культурно-исторических эпох духовный кризис, сопровождающий смену мировоззрения, вызывает своеобразное «сворачивание» личности, на первый план выходят задачи личного спасения и стремление к индивидуальной независимости. Современные постсоветские страны, в том числе Беларусь, сложно назвать окончательно преодолевшими кризис системной трансформации,

начавшийся с развалом СССР. Рассматривая оппозицию Человек – Общество, следует отметить, что внешняя среда не дала индивиду мировоззренческих ориентиров. Человек предоставлен сам себе: у него нет под ногами стойкого фундамента – ни экономического, ни политического, ни духовного. Расколотое между прошлым и будущим нынешнее поколение по существу живет днем сегодняшним, практически потеряв долговременную целевую опору в жизни. А.Н. Данилов, характеризуя мировоззренческие установки транзитивного общества, концентрирует внимание на том, что для развития человечества больше всего опасны две потери: первая – инстинктов, обеспечивающих выживание. При утрате генетической преемственности социальный опыт в какой-то степени в состоянии возместить эту потерю; вторая – традиций, культуры, веры, здесь у человечества нет защиты. Человек, не унаследовавший традиций предыдущих поколений, оказывается как бы в экзистенциальном вакууме. Появляется неуверенность в действиях, становится неустойчивой психика, появляется раздраженность, проявляется агрессия¹.

Как закономерный ответ на запрос времени в рамках социологической науки возникает в 1960–1970-х гг. и развивается в двух основных версиях новое направление – экзистенциальная социология. Первая версия представлена в работах американского социолога Э. Тириакаяна – ученика П. Сорокина и Т. Парсонса. Вторая отражена в творчестве калифорнийской школы экзистенциальной социологии (школы Дугласа), к которой, помимо самого основателя школы – американского социолога Д. Дугласа, принадлежат Д. Джонсон, Д. Котарба, А. Фонтана, Д. Алтейде и ряд других социологов. Среди исследователей экзистенциальной социологии выделяют А.С. Мельникова, А.С. Гаспарян, Л.Г. Ионина, В.Я. Кисиль. Проблемное поле экзистенциальной социологии возникает через соотношение проблем, рассматриваемых различными экзистенциальными мыслителями, и проблем, которые составляют основу исследований современной социологии. В определенном смысле отмечается пересечение проблемного поля экзистенциальной социологии с проблемным полем экзистенциальной философии, однако возведение экзистенции на социальный уровень акцентирует внимание на изучении общества, выступающего не в качестве совокупности не связанных между собой индивидуальных экзистенций (что соответствовало бы видению многих экзистенциальных философов), а в качестве целостной, социальной экзистенции, порождаемой взаимодействием индивидов и их «солидарности» в дюркгеймовском понимании². Проблема смысла и бессмысленности существования является одной из ключевых составляющих исследования, проводящегося в рамках экзистенциальной социологии: социолог изучает, каким образом смысложизненные установки индивида включены в структуру его личности и в какой степени эти установки влияют на его социальное поведение и далее – на его социальное окружение и на поддержание тех или иных способов социального взаимодействия. Экзистенциальная социология поднимает вопросы о том, действительно ли человек в современном обществе терпит неудачи в поиске смысла своей жизни, а общество переживает состояние экзистенциального вакуума.

Наиболее типичным современным неврозом психотерапевты считают чувство самоотчуждения. Пациенты, с которыми имел дело в начале XX в. З. Фрейд, страдали главным образом от противоречий между усвоенными ими моральными запретами, нормами и собственными инстинктивными влечениями. Современный невротик, напротив, ищет ответа на вопрос, во что он должен верить и кем он должен или мог бы стать. Расщепленный на множество недостаточно интегрированных и кажущихся одинаково внешними ролей, современный индивид испытывает острый дефицит устойчивости. Психологи анализируют сегодня феномен экзистенциальной депривации личности, связанный с психическим состоянием, возникшим в ре-

зультате таких жизненных ситуаций, где субъекту не предоставляется возможность для удовлетворения его экзистенциальных потребностей в достаточной мере и в течение достаточно длительного времени³. К экзистенциальным относят потребности, связанные с попыткой понять смысл существования человека, разобраться в вопросах жизни и смерти, свободы и ответственности, общения и одиночества, понять свое предназначение, обрести свое «я». На фоне внешне благоприятных условий жизни человек может испытывать внутренний дискомфорт, связанный с невозможностью удовлетворения значимых для него потребностей. Такая длительная психотравмирующая ситуация может привести к неврозу, причем подлинные причины нарушений часто остаются скрытыми не только от окружения, но и от самого человека.

Основы экзистенциальных проблем человека видятся в особенностях устройства современного мира. «Во-первых, это последствия длительного господства тоталитарного режима, воспитавшего несколько поколений людей на псевдодемократических принципах (“всем все поровну”). Эти никогда не соблюдавшиеся принципы просто исчезли в изменившихся общественных отношениях. Во-вторых, наступил экономический и политический хаос, породивший безработицу, миллионы беженцев, значительное расслоение по уровню материальной обеспеченности. В-третьих, локальные гражданские войны обострили межнациональные конфликты. Эти причины, а главное затянувшийся характер негативных социальных процессов, привели к распаду привычных социальных связей, множеству мелких конфликтов внутри человека и при общении с другими членами общества. Переживания личного опыта каждого человека сформировали общую картину общественного неблагополучия. Переосмысление жизненных целей и крушение устоявшихся идеалов и авторитетов способствовало утрате привычного образа жизни, потере многими людьми чувства собственного достоинства. Отсюда – тревожная напряженность и развитие “кризиса идентичности личности”»⁴.

Обретение почвы под ногами в нестабильном мире предполагает четкое самоопределение личности и как закономерное следствие – полноценную социальную самореализацию. Реальная жизнедеятельность и мотивационная система взрослого человека включают две основные сферы: предметную деятельность и общение. Хотя человеческая жизнь не сводится к этой дихотомии, любое описание человеческой личности предполагает два вопроса: во-первых, что человек делает, какова его предметная деятельность и как он сам к ней относится; во-вторых, каковы его взаимоотношения с окружающими людьми, насколько он способен к самораскрытию и пониманию другого. Этими вопросами определяется содержание рефлексивного «я» человека и степень его удовлетворенности жизнью. Для успешного функционирования личности ее предметная деятельность и общение помимо объективной целесообразности должны предполагать субъективный, личностный смысл, переживаться как определенный аспект «я». Деятельность, от которой человек не получает внутреннего удовлетворения, он не может назвать «своей», равно как и вынужденное общение не обогащает, а истощает энергетический потенциал индивида. Обратной стороной этого процесса является деперсонализация: потеряв субъективный смысл своей деятельности, человек начинает испытывать трудности и в осознании единства и преемственности собственного «я». Деятельность и общение будут эффективны в том случае, если в них будут выражаться сущностные основы личности, которые раскрываются через анализ системы ее социальных установок. Установка – это психологическое состояние предрасположенности субъекта к определенной активности в определенной ситуации. Согласно разрабатываемой В.А. Ядовым⁵ диспозиционной теории личности, отдельные установки не существуют сами по себе, а складываются в определенную иерархическую систему диспозиций личности. Первый, низший,

уровень ее составляют элементарные установки, которые формируются на основе витальных потребностей. Второй уровень – система социальных установок, которые обладают тремя основными компонентами (когнитивными, эмоциональными, поведенческими) и формируются у человека на базе оценки отдельных социальных объектов и ситуаций. Третий уровень – базовые социальные установки, определяющие общую направленность активности личности. Четвертый, высший, уровень мотивационной иерархии образует система ценностных ориентаций на цели жизнедеятельности и средства достижения этих целей, детерминированные общими социальными условиями жизни индивида.

Под «гедонистической установкой» мы понимаем психологическую предрасположенность и нацеленность индивида на получение удовольствия в процессе осуществления своей предметной деятельности и общения. В классическом понимании установка предполагает готовность к конкретным действиям в конкретной ситуации и повторяемость этих действий при повторяемости ситуации. Мы наделяем понятие «гедонистическая установка» универсальными свойствами, т. е. предполагаем, что она применима практически к любым действиям индивида в практически любой ситуации, поскольку субъективным индикатором соответствия деятельности индивида его сущности является личностно переживаемое ощущение удовольствия и удовлетворения от осуществляемой предметной деятельности и общения. Так, мы возводим «гедонистическую установку» индивида в разряд базовых социальных установок, определяющих общую направленность и активность личности.

Определение гедонизма (от греч. *hedone* – наслаждение) как этического учения, согласно которому основой природы человека является его стремление к наслаждению, а потому все ценностные ориентации деятельности должны быть подчинены или сведены к наслаждению как подлинному высшему благу, таит опасность вульгарного толкования данного термина, поскольку за скобками остается контекст его формулировки. Появившись в Древней Греции, гедонизм «замышлялся» как этика просвещенных, избранных, которые в силу своего интеллектуально-нравственного развития не допустят выхода наслаждений за рамки норм морали. Традиционно этика гедонизма развивалась в русле размышлений и комментариев к идеям Эпикура, который считал, что поиск наслаждения должен осуществляться только через страдание. Отсутствие страдания, в частности отсутствие боли, является наивысшим наслаждением. Он выделяет три категории наслаждения: 1 – естественные и необходимые – единственные способствующие счастью и легко удовлетворяемые, потому что они близки природе; 2 – естественные, но не необходимые – дающие многообразие вариантов (так Эпикур, желая разнообразить свою пищу, попросил однажды горшочек простокваши) и 3 – не естественные и не необходимые, такие как честолюбие, алчность, которые должны быть обузданы. Эпикур проповедует строгий самоконтроль, провозглашая, что в получении больших наслаждений необходимо себя ограничивать. Данную формулировку трактуют как основной парадокс гедонизма, однако именно в ней содержится ключ к пониманию нравственной основы данного учения. Удовольствие, по Эпикуру, – это состояние гармонии, душевного равновесия (атараксии), которое достигается посредством умеренного потребления земных благ. Разумеется, любитель наслаждений, участвующий, например, в пиршестве и жаждущий ощутить наслаждение, за это не осуждается, но сама природа обрекает его на поражение и разочаровывает в средствах достижения преследуемой цели. Любовь, в учении Эпикура, осуждается, поскольку является причиной страстей, душевного смятения и, следовательно, страданий. Плотское наслаждение определяется губительным для душевного и телесного здоровья, в то время как дружба, наоборот, должна поощряться и культивироваться. В це-

лом наслаждение в трактовке Эпикура предполагает отсутствие телесного страдания и душевного беспокойства.

В рамках современного философского дискурса гедонизм как культурно-антропологический феномен рассматривается в оппозиции с аскетизмом⁶. Несмотря на расхождения в трактовках наслаждения и страдания, гедонизм и аскетизм предполагают, в сущности, идентичные цели – освобождение от страданий, которые испытывает человек, осознающий неудовлетворительность своего существования, и в конечном счете – достижение подлинного наслаждения. Выделяется ряд общих средств реализации поставленных целей: соблюдение принципа умеренности образа жизни, стремление к преодолению разрушительного для человека влияния страстей, апелляция к принципам естественности и добродетели. Коренное сходство гедониста и аскета состоит в том, что оба они пытаются достичь освобождения: как путем поиска наслаждений, так и путем избегания страданий. Гедонист стремится это сделать в «земной жизни», аскет вооружен идеей «вечного наслаждения», наступающего после смерти телесной.

Среди причин искаженной трактовки идей эпикурейского гедонизма выделяют низкий уровень образованности и морального сознания населения. Сенека так характеризовал своих современников: «Они не в состоянии оценить, насколько трезво и сухо то, что зовет наслаждением Эпикур; они слепаются на звук самого имени “наслаждения”, ища надежные покровительства и прикрытия своим вожделениям». Современные исследователи связывают уровень морального сознания индивида с прогрессом его абстрактного и понятийного мышления. Развивая выдвинутую Ж. Пиаже и поддержанную Л.С. Выготским идею, что эволюция морального сознания ребенка идет параллельно его умственному развитию, Л. Колберг выделяет в этом процессе несколько фаз, каждая из которых соответствует определенному уровню морального сознания. «Доморальному уровню» соответствуют стадии: 1) когда ребенок слушается, чтобы избежать наказания, и 2) когда ребенок руководствуется эгоистическими соображениями взаимной выгоды (послушание в обмен на получение каких-то конкретных благ и поощрений). «Конвенциональной морали» соответствуют стадии: 3) когда ребенок движим желанием одобрения со стороны «значимых других» и стыдом перед их осуждением; 4) когда ребенок ориентируется на поддержание определенного порядка и фиксированных правил (хорошо то, что соответствует правилам). «Автономная мораль» переносит моральное решение внутрь личности. Она открывается стадией 5А), когда подросток осознает относительность и условность нравственных правил и требует их логического обоснования, усматривая таковое в принципе полезности. На стадии 5В) релятивизм сменяется признанием существования некоторого высшего закона, соответствующего интересам большинства. Лишь после этого (стадия 6) формируются устойчивые моральные принципы, соблюдение которых обеспечивается собственной совестью, безотносительно к внешним обстоятельствам и рассудочным соображениям. В последних работах Колберг ставит вопрос о существовании еще более высокой стадии – 7, когда моральные ценности выводятся из общих философских постулатов. Однако этой стадии достигают, как он считает, немногие⁷. Так, вопреки расхожему мнению, что гедонизм и нравственность «помирить» невозможно, мы считаем, что данные понятия не исключают друг друга, поскольку характер и степень этичности искомых наслаждений зависят от уровня морального и интеллектуального развития каждой конкретной личности.

Вместе с тем, рассматривая понятие «гедонистическая установка», мы не имеем в виду ориентацию индивида на поиск наслаждений в качестве конечной цели его предметной деятельности. Мы говорим о том, что ориентация на получение удовольствия выступает средством, или контекстом, достижения поставленной цели, а также является субъективным «мери-

лом» соответствия избранных целей внутреннему содержанию индивида. Получение удовольствия от осуществляемой предметной деятельности и общения рассматривается нами как свидетельство успешной самореализации личности. Иными словами, гедонистическая установка предстает как эквивалент субъективного эмоционального ощущения удовлетворенности.

Эмпирическое подтверждение наших идей мы находим в исследованиях социолингвистов⁸. Анализу подвергается лингвокультурный концепт «fun», являющийся эмоционально-действенным американским регулятивом поведения, суть которого составляют признаки получения удовольствия в процессе определенной деятельности. (Концепт – сложное ментальное образование индивидуального и коллективного сознания, которое находит выражение в языке. Лингвокультурные концепты могут быть объективно описаны с помощью анализа словарных дефиниций, ценностно маркированных высказываний, этимологии слов и результатов ассоциативных экспериментов. Лингвокультурные концепты проявляются в коммуникативном поведении, определяя этноспецифические нормы, стратегии и стереотипы общения.) Анализ 224 афоризмов XX–XI вв. показал, что в современной американской культуре концепт «fun» является, как правило, объектом положительной оценки: получение удовольствия расценивается в качестве неотъемлемой составляющей жизни человека. Как в пословицах, так и в афоризмах подчеркивается, что для получения удовольствия необходимо прилагать усилия, осуждается злоупотребление удовольствиями, стремление угодить всем окружающим, отмечается особая притягательность запретных удовольствий. Афористика полностью отражает произошедшие за 100 лет изменения в отношении к сочетанию работы и удовольствия: от полного неприятия удовольствия и отношения к труду как высшей ценности, через возведение стремления к развлечениям в абсолют и негативное отношение к необходимости трудиться как следствие протеста против пуританских ценностей в начале XX в., до появления культуры получения удовольствия от действий и возможности органично сочетать его с процессом работы. В настоящий момент считается, что следует стремиться к получению удовольствия в процессе работы, которая может, в свою очередь, быть основным источником удовольствия в жизни человека. Получение удовольствия в процессе деятельности превращается в способ добиться решения каких-либо задач, в частности повышения производительности труда, улучшения здоровья, в условиях, где соревновательность и нацеленность на победу становятся одной из основных характеристик работы.

В нашем обществе повышенная забота о себе традиционно рассматривается как проявление эгоистических наклонностей. До сих пор сказывается то, что согласно советской морали одной из определяющих этических норм было требование ставить общественные интересы выше личных. Формулируя социальный смысл мотивационной установки «заботы о себе», С.А. Шавель приводит суждение М. Фуко: «Она (забота о себе) значима для всех людей, но со следующими ограничениями: а) “заботиться о себе” говорят лишь людям, обладающим культурными и экономическими возможностями, образованной элите; б) эту фразу говорят лишь людям, способным выделиться из толпы (заботе о себе нет места в повседневной практике – это свойство элиты нравственной)»⁹. Выработывая в себе гедонистическую установку, индивид тем самым проявляет заботу о себе. Что отличает его от невротичного искателя временных утех, с которым часто отождествляют гедониста, но который на исходе жизни испытывает чувство глубокого разочарования, поскольку наслаждения и удовольствия не обогащали его душу, а являлись средством временного забытья.

Отсюда неправомерными выглядят замечания, критикующие гедонистический образ жизни, поскольку в большинстве своем они исходят из искаженной трактовки понятий «удовольствие» и «наслаждение»: «Гедонизм как

“воля к наслаждению” рождается, прежде всего, из осознания ужаса личностного уничтожения без стремления к преодолению наличного состояния. Гедонизм – это метафизическая трусость плоти, вдруг обнаружившей свою нестерпимо постыдную конечность и не нашедшей в себе мужества борьбы со злом. Гедонист бежит от суда совести, прячась в кокон наслаждений»¹⁰. Действительно, тезис о конечности человеческого существования лежит в основе гедонистического учения. Гедонист не верит в жизнь после смерти, поэтому стремится к «благодной жизни» еще при жизни. Но как было доказано, стремление к наслаждению духовно и интеллектуально развитой личности не обязательно противоречит нормам морали, а наоборот, соответствие искомых наслаждений моральным принципам является неотъемлемым условием получения истинного удовольствия и удовлетворения от прожитой жизни: *«Итог хорошо прожитого дня – блаженный сон, итог хорошо прожитой жизни – блаженная смерть» (Леонардо да Винчи).*

Оригинальную критику гедонизма, основанную на постулатах психоанализа, озвучивает словенский социальный философ С. Жижек¹¹. В авторской концепции наслаждение (jouissance) предстает как универсальная социальная матрица, продукт деятельности капитализма, призывающий и вынуждающий людей наслаждаться, концентрироваться на себе, на поисках своего истинного «я», тем самым устрняя их от участия в решении политических и экономических проблем. Косвенным подтверждением правомерности идей С. Жижека можно считать факт появления и все большего распространения такого социального феномена современности, как «дауншифтинг».

Дауншифтинг (от англ. downshift – переключение автомобильной коробки передач на более низкую передачу) представляет собой сознательный добровольный отказ от движения по карьерной лестнице, зачастую связанный с понижением социального статуса и ухудшением материального положения, для освобождения времени для досуга и посвящения его другим, не связанным с работой видам деятельности. Одной из отличительных черт дауншифтинга является не просто движение вниз, а «скатывание» с уже завоеванных, достаточно высоких позиций. Как отмечает Н.В. Бутонова¹², анализируя данные опроса, 23 % австралийцев в возрасте от 30 до 59 лет сознательно пошли на понижение своего материального уровня жизни. По утверждению респондентов, главным мотивом для дауншифтинга стало стремление получения удовлетворения от жизни, которое включает и большее количество времени для общения с семьей, и заботу о здоровье, и гармонизацию всех сторон жизни в целом. Тем не менее, по данным исследования, около трети тех, кто решился на дауншифтинг, остались недовольны понижением доходов, а часть вообще пожалела о предпринятых действиях. На наш взгляд, дауншифтер – это «переутомленный», «перетрудившийся» индивид, приложивший чрезмерно много усилий в направлении, не соответствующем его социальной сущности вследствие завышенной самооценки или неподлинного самоопределения. В своей трудовой деятельности он делает вынужденный перерыв, чтобы вновь обрести себя, свою идентичность. Движения дауншифтеров существуют в Англии, Франции, США, в России появилось одноименное интернет-сообщество, проблема дауншифтинга активно обсуждается на белорусских интернет-форумах. Во многих странах дауншифтинг рассматривается учеными как быстро набирающий силу социальный фактор, способный влиять на атмосферу общества, который в скором времени сможет обрести и политический вес.

Мы осуществили попытку осмыслить одну из причин экзистенциального вакуума современного общества, которую усмотрели во всевозрастающей тенденции самоотчуждения личности вследствие несоответствия социальных действий индивида его социальной сущности. Предлагаемый вариант преодоления личностного самоотчуждения видится в субъектной акцентуализации самости способного к саморефлексии и нравственно развитого ин-

дивида путем формирования гедонистической установки как психологической предрасположенности и нацеленности индивида на получение удовольствия в процессе осуществления своей предметной деятельности и общения, что является неотъемлемым критерием успешной социальной самореализации. Выполненное в рамках проблематики экзистенциальной социологии данное теоретическое исследование предполагает эмпирическую апробацию и верификацию средствами качественного социологического анализа.

¹ См.: Данилов А. Н. Молодежь кризисных лет: Иллюзии и новые надежды. Мн., 1999.

² См.: Мельников А. С. Экзистенциальная социология в контексте проблем становления // Методология, теория и практика социологического анализа современного общества: Сб. науч. тр. Харьков, 2006. С. 77–81.

³ См.: Алексеенкова Е. Г. Личность в условиях психической депривации. СПб., 2009.

⁴ Александровский Ю. А. Социальные катаклизмы и психическое здоровье // СОЦИС. 2010. С. 99–104.

⁵ См.: Ядов В. А. О диспозиционной регуляции социального поведения личности // Методологические проблемы социальной психологии. М., 1975. С. 93–102.

⁶ См.: Жадан В. Б. Гедонизм и аскетизм в динамике культуры: Автореф. дис. ... канд. филос. наук: 17.00.01. Харьков, 2006.

⁷ См.: Кон И. С. В поисках себя: Личность и ее самосознание. М., 1984.

⁸ См.: Плавинская В. С. Этноспецифический концепт «FUN» в американской лингвокультуре: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Волгоград, 2008.

⁹ Шавель С. А. Общественная миссия социологии. Мн., 2010.

¹⁰ Варава В. В. Гедонизм против нравственности [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.pereplet.ru/text/varava10may06.html>. Дата доступа: 01.02.2010.

¹¹ См.: Жижек С. Несоучастие в наслаждении // Рус. журн. 2008. № 1. С. 133–141.

¹² См.: Бутонова Н. В. Дауншифтинг. Новое правило – отказ от всяческих правил // Новые традиции. СПб., 2009. С. 169–176.

Поступила в редакцию 07.02.11.